

18+

Владислав Зубченко

РУФЕРЫ

советская антифантастика

Владислав Аркадьевич Зубченко

Руферы. Советская антифантастика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67954292

ISBN 9785005684929

Аннотация

Всё что происходит с героями книги, возможно, будет ещё происходить в будущем – пока мы этого не знаем. Как и не знаем о том, как на самом деле устроен наш мир. Вполне вероятно, именно так, как описано здесь, хотя многим, кто прочтёт, это покажется невероятным.

Содержание

РУФЕРЫ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Руферы

Советская антифантастика

Владислав
Аркадьевич Зубченко

© Владислав Аркадьевич Зубченко, 2022

ISBN 978-5-0056-8492-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РУФЕРЫ

(советская антифантастика)

Кран спал, уткнувшись в небо. Он только что заснул: прокрипел своей старой болевшей шеей, отнеся напоследок строителям железобетонную плиту на верхний этаж, и, наконец, задремал, чуть сторбившись над этим неугомонным городом с его беспокойной ночной жизнью. Ледяной свет фонарей разливался где—то внизу, иногда выхватывая из темноты мальчишеские компании, занятые в это время непонятными для родителей делами. По улицам, расставив фары, с шумом пролетали машины. Город узнавал себя по звукам, взглядом провожая идущих и едущих, но там, наверху, он уже спал в своих небоскрёбах и башнях. Крановщица тётя Шура, соблюдая примету, на прощание привычно погладила кран по голове-кабине и полезла вниз.

— Давай, железо, отдыхай.

Шуре должно было через месяц стукнуть шестьдесят, и она давно не стеснялась своего возраста. Утренние восхождения к небесам она с некоторых пор рассматривала философски. В эти минуты ей казалось, что однажды она вот так

и уйдёт по этой самой лестнице куда-то выше и уже не вернётся. Шура разговаривала с краном с тех пор, как полгода назад похоронила погибшего на стройке мужа. Дети давно разлетелись, а любимый шестнадцатилетний внук Пашка бывал у неё в гостях всё реже. Шура даже завела для него в доме интернет, но не помогло. А два дня назад Пашка неожиданно позвонил ей сам.

– Ба, привет! А как на твоё железо попасть можно? – спросил Пашка.

– Зачем тебе? – напряглась Шура.

Это он, Пашка – для друзей Пабло, однажды придумал крану модное новое название, означавшее на языке «айтишников» на самом деле компьютеры. Крану, как показалось женщине, это имя шло, и она подхватила сленговое словечко, стараясь угодить любимому Пашке.

– Сфоткаться там, наверху, хочу.

– С ума сошёл, Паша?!

– Ба, ну чё ты, а?

– Нет, даже не думай, – отрезала Шура. – Сдурел? Там пятьдесят метров!

– Да мы с пацанами на семнадцатипэтажках наших давно сидим! – перешёл на срывающийся крик Пашка, пытаясь убедить непонятливую бабулю.

– Как сидите?! Зачем сидите? – охнула та.

– Мы же руферы, ты в курсе? – с неподдельной гордостью

в голосе заявил внук. – Ходим по крышам, короче.

– Какие такие руферы? – немного пришла в себя баба Шура. – Мы дома строим, чтобы вы, балбесы, по крышам лазали? Карлсон ты наш!

– Ба, хорош меня тролить! – возмутился Пашка. – Короче, ты организуешь, или мы с другим крановщиком за бутылку эту тему решим?...

Сейчас у спускавшейся по узким лестницам башенного крана Шуры никак не шёл из головы этот разговор с внуком. Тем же вечером она отыскала в интернете видео про этих самых руферов, и у неё, всю жизнь отработавшей на высоте, от увиденного сердце начало постукивать в пятках.

– Это зачем же они это делают, дурни? – спросила себя, сидя у монитора, Шура. – Дед его, значит, жизнь на стройке положил, а этим покрасоваться друг перед дружкой! Мозгов совсем нет!...

То что у руферов есть обычные человеческие мозги, на прошлой неделе доказал товарищ Пашки Лёха Свиф, сорвавшийся с крыши новостройки и разложивший эти самые мозги на асфальте на всеобщее обозрение. Поначалу, когда с верхнего этажа строящегося небоскрёба отделилась маленькая точка, никто ничего не понял. Но точка быстро уве-

личивалась в размерах, и вскоре раздался какой-то жуткий длинный женский крик и, наконец, стало страшно. Лёха летел вниз на глазах у всех молча, и Пашка подумал, что у того ещё в воздухе просто остановилось сердце, а может быть он всё понимал. Пашка убеждал себя, что Свиф ничего не почувствовал, грохнувшись на тротуар в двух метрах от детской коляски, отчего у мамы малыша случился припадок.

– Вот дурак же, а! – качали головой сходящиеся к Лёшиному распластавшемуся телу люди. – Ну и кому ты чего доказал?

Но Лёха Свиф этого не слышал. Рядом валялся его разбитый вдребезги смартфон. Паша поднял его, и ему захотелось посмотреть, нельзя ли оттуда вытащить последние фотки погибшего Лёхи.

– Ничего не трогать, – раздался голос приехавшего следователя Следственного комитета. – Кто его знает? То есть знал?

– Это Лёха Свиридов, Свиф, – мрачно сказал Паша. – Он в центре живёт. То есть жил.

Пашка своим разумом ещё не осознавал, что руфер Свиф уже не с ними, а где-то гораздо дальше. Следователь присел у трупа и начал внимательно рассматривать разбитую голову Свифа. Делал он это непринуждённо, будто видел свою будничную картину очередного дня.

– Кто с ним был на крыше? – не оборачиваясь, спросил он.

Никто не ответил, и следователь начал куда-то звонить по мобильному.

– Эксперт—то когда будет? Или я опять тут с телом до вечера просижу?

Кто-то, наконец, вынес простыню, и Свифа накрыли вместе с обезображенной головой.

– Сейчас ангелы за ним прилетят, – зашептали вечные старушки, подтянувшиеся от соседнего дома. – Душа-то ждёт рядышком.

Пашка поёжился и на мгновение представил, как Лёхина душа, белая и прозрачная, сидит на корточках у своего тела и плачет. Тишину разорвал дикий крик.

– Лёша, сыночек!!!

Лёшкина мать рухнула на колени и подползла к сыну. Добравшись до него, она уткнулась лицом ему куда-то в шею и завывала. Пашке стало совсем не по себе. Он хотел было уйти, но на плечо легла чья-то рука.

– Пошли, – равнодушно произнёс следователь.

– Куда? – отодвинулся от него Пашка.

– Пока в машину, расскажешь, как давно вы по крышам носитесь, – таким же холодным голосом объяснил офицер. – Пошли, пошли, некогда!...

Шура, спускавшаяся вниз, не знала про смерть руфера, а думала о просьбе внука. На полпути она остановилась, чтобы перевести дух – годы брали своё. Страх высоты саму Шуру покинул много лет назад. Только однажды, когда в «каблuxe» она поднималась на свой первый кран, страх вдруг появился, сжал ей грудь, пополз в руки, в ноги, забрался в промежность и сковал насмерть.

– Вниз не гляди, дура! – крикнул ей лезший следом мастер. – А ну, шустрой давай!

Молодая Шурка, почему-то забыла, что она в комбинезоне, и ей показалось, что мастер снизу глядит ей под юбку. Она, повинувшись девичьему инстинкту, оторвала одну руку от лестничной перекладины и, замерев, схватилась ею за задницу.

– Лезь, говорю! – прикрикнул старый мастер. – Ты не про зад свой думай, а про руки – улетишь вниз и пока тебе.

А через два года было свежее, прыгнувшее с постели, майское утро, и в нём она – двадцатилетняя, только что выучившаяся на крановщицу, лезет – нет, почти летит наверх под сальные шуточки мужиков строителей, оценивающих Шуркину красоту сквозь робу-комбез.

– Не упады, дэвушка, дай поддержи! – громче других орал молодой грузин монтажник Шота.

Под гогот товарищей Шота бросил недокуренную сигарету, плюнул в ладони, растирая ими липкую грязь, и полез следом за молодой девчонкой. Шурка оглянулась и прибавила ходу – а ну, догони! Она уже была возле кабины, махнула стоящим внизу мужикам белым платком и завязала его на голове.

– Дэвушка, какой же горячий, – не успев отдышаться, с ходу начал добравшийся до верха Шота. – Хачу знакомиться с тобой. Вечером в кино идём, да?

– На землю-то спустишь, шустрый, – хохотнула девушка. – Упасть не боишься? Чё бледный такой? Страшно, небось?

Шота оглядел кран. Стрела его висела над верхним этажом строящегося дома. Монтажник подмигнул Шуре и вдруг ухватился руками за железные перекладины стрелы.

– Ты чего задумал? – глаза крановщицы округлились от страха. – А ну, давай отсюда!

Шота уже оторвался от площадки и, ловко перехватывая руками перекладины, поплыл по стреле к дому.

– Куда?! А ну назад! – заорала Шурка. – Назад, идиот!

– Так пайдём кино? – остановился, раскачиваясь над бездной, Шота. – Нэт? Ну тогда я пошёл.

– Чёрт с тобой! – заплакала от страха Шура. – Давай обратно!

Но Шота уже добрался до троса с крюком и, обхватив его руками и ногами, словно в цирке ловко съехал на самый край бетонной плиты.

– Тогда в сэмь часов тебя жду, Шурочка! – весело крикнул он...

До сих пор, стоило Шуре вспомнить тот день, по всему её телу ползли мурашки. Бесшабашному Шоте тогда объявили выговор и лишили квартальной премии, а через полгода они поженились...

Спустя четверть часа Шура, наконец, слезла с небес и направилась к автобусной остановке. На часах было семь.

– Пашка не звонит, – забеспокоилась она о внуке. – А если и впрямь залезет где-нибудь?

Она достала мобильник и сама набрала его номер.

«Абонент временно недоступен» – ответил приятный женский голос, и у Шуры всё упало вниз.

Она не спала до полуночи, пока Пашка не объявился в сети.

– Ты где? – тут же позвонила она. – Почему отключен?

– Ба, расслабься, а! – вредным тягучим тоном отрезал Паша. – Всё, я спать...

Проснулась Шура резко. Было уже совсем светло и надо было что-то решать. Она знала, что отказать любимому внуку, в конце концов, не сможет. Пашка был придуман для неё. Когда Бог забрал к себе Шоту, то взамен отдал ей Пашку. Шота погиб в солнечный майский день на глазах Шуры. Он висел на своей привычной верхотуре, что-то сваривая. Шура видела, как он, подняв маску сварочного шлема, махнул ей рукой: «я скоро». А потом Шура ничего не поняла. Просто её муж начал падать, сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. Он не пытался уцепиться за торчавшие балки и арматуру, и его тело всё падало и падало дальше. Когда раздался глухой стук, Шура страшно закричала, и ноги перестали её держать... На похоронах ей сказали, что Шота почему-то сам отцепил страховку, но зачем он это сделал никто так и не понял...

Без внука, стоило ему пропасть хотя бы на пару дней, смысл Шуриной жизни исчезал. Она, теряя ориентиры, искала Пашу повсюду, а найдя, опять ругала себя за эту привязанность, за то что избаловала его вконец своей любовью. С четырнадцати лет Пашка больше не давал бабуле целовать себя. В эти мгновения внутри него что-то сжималось и, распрямляясь, отталкивало Шуру. Пабло словно берёг свою,

ещё неосознанную, девственность для первого поцелуя с девушкой. Но Шуре и этого было вполне достаточно.

Ломка у Пашки началась спустя год. Детство бросило прыщавого переростка с невыученными уроками, не оставив на второй год. Оно бросило его посреди шумной улицы вместе с такими же, как он, неожиданно предоставив свободу выбора, лишив Пашкиных отца и матери права на сына, как на собственность...

– Как в школе? Как опять нет оценок? Ох, дураком ты растёшь, – заводил, вернувшись с работы, вечерами свою пластинку отец.

– Расту, расту, – не отрываясь от компьютера, бубнил невпопад Пашка.

– Никуда на работу не возьмут, слышишь?

– Да пофиг.

– А кормить тебя кто будет?

– Поем где-нибудь.

– Мать, он всё борзеет и борзеет! Чего наглый такой, сын-нок?

– Не наглый я – сосредоточенный.

– Ты мои нервы испытываешь, да? – отец начинал двигать желваками. – Нет, я с кем общаюсь?!

– Чё нервы? – поворачивал на этих словах, наконец, свою непутёвую голову в сторону родителя Пашка. – Молчу вообще-то.

Заведённый Пашкой отец с чувством облегчения от выполненного на сегодня долга отправлялся на кухню к жене утолять усилившийся аппетит.

– Ты пить будешь? – обязательно доносился оттуда его голос. – Слышь, какие нервы на этого надо, а?

– Тихо ты, – нёсся следом полушёпот матери. – Нельзя так, он наш сын. Пей уже, я не буду.

– Сын. Восемнадцать стукнет и всё – алга, работать! А пока я его кормлю, он обязан! Ты будешь? Ну как хочешь, – пустая рюмка с грохотом опускалась на стол.

– Всё, угомонись ты!...

Пашка слышал, что отец с матерью продолжали обсуждать, как правильно распорядиться его судьбой, и опять надевал наушники. В этих наушниках творилось что-то непонятное. С тех самых пор как однажды, сидя в своей любимой «CS: GO», сквозь переговоры с другими геймерами, он вдруг услышал явный шёпот. Шёпот шёл по обоим каналам и забирался Пашке в голову, мешая настроиться на игру, но разобрать слов Пашка не мог.

– Воздушная тревога... граждане... Кто это шепчет, парни, чё за прикол? – спросил он в чате.

– Ну всё, капец! Пабло глюк поймал! – заржали виртуальные бойцы в ответ.

Через пару часов с мультиками в глазах Паша закончил

бой и, сняв наушники, переместился в кровать. Но шёпот не исчез, пока обессиленный Пабло не провалился в странный сон. В нём он видел себя на какой-то неизвестной крыше, в небе грохотала гроза и сверкали молнии. Вокруг него были непонятно во что одетые люди, а вверху, во вспышках молний, появлялось и исчезало что-то огромное и неясное. А потом Пашка вдруг оказывался не то на чердаке, не то в подвале, и перед ним лежал очень странный предмет, напоминавший бомбу. Но смысл сна, появившись, тут же терялся. Назавтра всё повторялось снова, а проснувшись, Пашка ясно понимал, что видел этот самый сон вчера. Так длилось уже пару недель, но говорить об этом родителям не было смысла – они сразу решат, что у сына «поехала крыша» и отлучат от компа...

В свои шестнадцать среди взрослеющих девчонок Пашка слыл красавчиком с тонкими чертами худощавого лица, которые, впрочем, разглядывать было необязательно. Огромные тёмно-карие его глаза заполняли собой всё оставшееся свободное пространство в сердцах девушек, томимых ожиданиями перемен, чтобы поймать на себе хоть один взгляд Пабло. Сам он тяготился своей красотой. Она очень мешала Пабло доказывать пацанам, что он такой же, как они – никакой не женский любимчик, походя не оставляющий шансов товарищам строить личные отношения. Сердце самого Пашки было свободно и создано, казалось, не для любви, а для

приключений...

В очередное холодное осеннее утро Пабло, показав родителям, что школьный рюкзак у него за спиной, выйдя из подъезда, направился наугад в каменный лабиринт столицы, присматривать новые крыши для залаза. Городу было очень много лет, и за это время он давно запутался в своих улицах и переулках. Пабло любил город в это время дня. Дворы и улицы были полупустыми, лишь пенсионеры сновали с раннего утра по важным, одним им ведомым, делам. Пашка, останавливаясь, задирает голову, мысленно намечая путь вверх.

– Типа, ты где сейчас? – набрал он номер товарища. – Чё? Я не слышу ни фиги!

– В колледже ещё чалюсь, не тупи! – зашептало в ружерском телефоне. – Не могу говорить.

– Ты офигел, клоун? – набросился Пашка с любезностями на примерного ученика. – Я же сказал, что позвоню, пересечёмся!...

Типа – это сын замначальника полиции города, спортсмен и качок. Суровый вид ему помимо прочего придавало отсутствие какой-либо растительности на голове. Каждый раз, обривая череп, brutальный Типа обязательно резался, поэтому к его лысине были прилеплены крохотные кусочки пластыря, создавая впечатление, будто крутой пацан только

что вылез из мусорного бака. Он учился в колледже вроде бы на «айтишника» и сошёлся с Пабло и сотоварищи, когда те в очередной раз уходили от ментов, нырнув с покорённой ими крыши на пожарную лестницу. Двое «пэпээсников» бежали следом, но как-то вяло и неохотно. Типа наблюдал всю эту картину из папиного служебного авто – его в тот день родитель отмазал после очередного задержания за драку.

– Меня со службы попрут, урод! Ты меня подставляешь, понял ты это?! – орал на него отец, захлопнув дверь автомобиля, остановившегося у высотки. – Тебе в армию через год, но я не доживу до этого! Ещё раз и я тебя сам в зону сдам!

Три тёмных бегущих силуэта почти добрались до земли. Полицейские преследователи аккуратно сползали следом, видимо не имея цели догнать убежавших, с каждой минутой всё больше отставая от руферов.

– Вон ещё трое таких же уродов! – начал бить отец по рулевому колесу обеими руками.

– А твои сзади, типа, там работу исполняют? Не упали бы, блин, – издевательски заметил сын.

– Упадут – ещё наберём, – зло сказал отец и взял рацию. – «Букет», «Букет»! Внизу принимаете троицу?

– Так... точ..., – зашипело и затрещало в рации. – ...ем, това... под...!

– Всех троих сразу в отделение, в обезьянник.

– Детские лучше работают, – покосился на рацию Типа. –

Чё не купите?

– Умничаем, да? У тебя ж мозгов меньше чем волос на башке, кретин!

Руферы добрались уже до последнего пролёта, как вдруг, по-кошачьи скользнув в какую-то дыру между перилами, один за другим вскочили на примыкавший к высотке забор и исчезли за ним. Ждавшие их за углом полицейские, выбежав из укрытия, теперь растеряно толпились у лестницы.

– Круто! – хлопнул в ладоши перед самым отцовским носом Типа и выкинул вверх средний палец руки.

– Вот дебилы! – откинулся в водительском кресле полицейский начальник.

В ту же секунду в автомобильной рации что-то снова зашипело.

– Гр... не, воздуш... вога, – донеслись до сына обрывки фраз. – Все... рытие!

Типа удивлённо посмотрел на отца.

– Чё это там у вас?

– Что?

– Какая тревога? Типа, учения что ли?

– Обкурился опять? Иди домой! – распахнул дверь отец. – Приду – пообщаемся ещё, Иван-дурак ты наш!...

Типа досиживал урок, собираясь на встречу с Пабло. Минут за пять до звонка вошла секретарь и сказала, что Типу вызывают к директору.

– Что будем делать, Иван? – новый директор колледжа, мужчина лет сорока пяти, оценил взглядом с ног до головы знаменитого мажора

– Что делать? – глаза Ивана стали круглыми, сделав его похожим на героя фильма ужасов.

– С первого курса сказали, что ты вымогал деньги и угрожал «закопать», – спокойно продолжил директор.

– Это, типа, я сказал? Не было такого, – вальяжно «включил дурака» нагловатый подросток.

Директор не спеша подошёл к двери кабинета, зачем-то закрыл её на ключ и показал его Типе.

– Ну и чё это? – ухмыльнулся тот.

– Я знаю, кто твой отец, Иван, – начал внимательно разглядывать ключ директор. – Большой полицейский начальник.

– А причём тут отец? – скрестил руки на груди Типа, чувствуя своё полное превосходство над дядей. – Вы мне тут чё втираете?

– Лови! – крикнул вдруг директор и бросил ключ Типе.

Тот инстинктивно выкинул вперёд правую руку... и в следующую секунду оказался лежащим на полу со страшной бо-

лю в вывернутой директором кисти.

– Как меня зовут? – налитым тихой яростью голосом спросил директор.

– Я не помню, – захрипел Типа. – Пусти!

– Как меня зовут? – директор сделал движение рукой, и Иван зарычал от боли.

– Николай... Владимирович! Пусти!

– ..те! – ещё повернул руку руководитель. – Надо говорить «пустите». Повтори!

– Пустите, – промычал сквозь зубы Типа.

– Кто здесь главный? – спросил Николай Владимирович. – Кто в школе главный?!

– Ты... Вы, – в глаза у Ивана потемнело.

Директор отпустил руку подростка и сел в кресло.

– Плохая реакция у тебя, Иван! – покачал он головой и взял в руку канцелярский нож. – Подними ключ и не надей глупостей

Только что поднявшийся с пола Типа послушно взял ключ.

– Отцу привет передай от Шального, – продолжая крутить в руках, разглядывал нож директор. – Мы с твоим батей были в Урус-Мартане, в девяносто девятом, а потом меня спасли. Хозяин в этом колледже я, Иван. И пока я здесь, у нас будет порядок. Ты меня понял? Не слышу?

– Да, – тихо ответил Типа.

– Будем считать, что мы друг друга услышали, иди. – На последнем, сказанном директором слове, нож, просвистев возле уха Типы, вонзился в дверь...

Типе, выскочившему из школы, очень хотелось снова набить кому-нибудь морду. Он шёл быстро и зло, будто только что обкурился дури, которую завозили в город не то узбеки, не то таджики. Дурь Иван впервые отведал пару лет назад. Всё походило на голливудский детектив с тайниками и конспирацией.

– Это подарок, братан, – уговаривал Типу мутного вида пацан со стеклянным взглядом, протягивая ему только что извлечённый из условленного места чек. – Просто возьми от меня, не обижай отказом, а не захочешь – разбежались.

Втянув в лёгкие дым, Типа поначалу ничего не ощутил, но через пять минут его начало колбасить не по-детски. Он то хохотал, то рыдал. Ненадолго приходя в себя, он едва успевал удивиться тому, что с ним происходит, как его опять окунало куда-то с головой.

– Накрыло тебя, братан! – слышал он безумный хохот мутного пацана. – Расслабься. Твой папашка тебя своим не сдаст – ты же сын ему.

– Мы с батей в контрах, – еле ворочая языком, выговорил Типа. – Он мне пофиг!

Ивана качнуло как следует и опрокинуло на асфальт. Сквозь туман он увидел, как Мутный склонился над ним.

– Ты с папашкой мирись, давай, брателло, нам этот мент для «крыши» нужен...

Типа вдруг схватил мёртвой хваткой Мутного за воротник и начал душить.

– Про отца забудьте, суки! – заорал Иван. – Я сам по себе, ясно тебе, козёл?!

Типу нашли на скамейке. Проезжавший мимо наряд полиции не сразу признал в обделавшемся, выглядевшем словно бомж с помоечным стажем, подростке сына шефа...

Вот и сейчас прохожие шарахались от одного его неадекватного вида, стараясь не заглядывать парню в бешеные глаза. Типа, держась за болевшую руку, свернул наугад, и к нему начал приближаться звук уличной рекламы.

«Как, ты ещё не купил подарок своей девушке...» – по-настоящему дурацкий голос выдавал его обладателя – очевидно, самого автора рекламы, решившего сэкономить на актёре. Типу это безумно раздражало именно сейчас, и он начал глазами искать на столбе репродуктор, чтобы чем-нибудь запустить в него. Наконец, заметив наверху маленькую коробочку, он поднял с земли валявшийся обломок кирпича и,

прицелившись, замахнулся.

«Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога...», – понеслось вдруг оттуда.

Типа замер, как вкопанный с кирпичом в руке. Он отчётливо вспомнил, что уже слышал этот голос тогда, в машине у отца, через радиообмен.

– Не понял, – сказал он себе и огляделся.

Рядом на скамейке сидел человек. Из-под распахнутого его кожаного пальто виднелся странный военный френч, какие Типа видел лишь в кино. Незнакомец читал газету.

– Мужчина, а Вы слышали, они воздушную тревогу... – начал Типа.

– Да, я знаю, Иван, – не отрываясь от газеты, перебил его человек в кителе.

– Учения что ли? Пойдите, а Вы меня знаете?

– Почему учения? – мужчина начал сворачивать газету. – Всё будет по-настоящему, Иван.

– А Вы кто будете? – нагло ухмыльнулся руфер.

– Я тот, с кем тебя свела судьба, – мужчина протянул сложенную газету Типе. – Ненадолго. Впрочем, это понятие сейчас очень относительно...

У Типы опять потемнело в глазах, он замотал головой и, качнувшись, чуть не упал на землю. В следующую секунду

ду всё вернулось на свои места. Человека в пальто не было. Иван почувствовал, что держит что-то в руке. Он поднял предмет к глазам – это была очень старая пожелтевшая газета. В верхней части газетной страницы крупными буквами было напечатано «ПРАВДА». Типа поднёс газету поближе, чтобы рассмотреть дату. Буквы и цифры сливались в глазах.

– Тысяча девятьсот сорок... – начал он вчитываться.

– Мужчина, у Вас закурить не будет?

Типа поднял глаза – перед ним стояла зеленоглазая местная красотка Ника. Длинные ноги девушки начинались где-то под головокружительно рискованным «мини» и заканчивались тонкими шпильками, вонзёнными в асфальт.

– Так как у нас с куревом, Тип? – улыбнулась красотка и бросила взгляд на газету. – Или у тебя косячок с махорочкой на любителя?

– Не курю я, Ника, – машинально сунул газету в карман Типа, чувствуя бесконтрольный прилив тестостерона. – А вот коктейлем я бы тебя угостил.

– Ни у кого на этой улице нет закурить, – с деланной обидой в голосе вздохнуло созданное для того, чтобы сводить с ума мужчин, длинноногое творение. – Ну что же, видимо, придётся соглашаться на коктейль...

С Типой, похоже, не срасталось. Намотавшись, Пашка добрёл до МакДональдса и, пошарив в карманах, добыл от-

туда валюту. Хватало в аккурат на кофе.

– Доброе утро, – натянула штатовскую улыбку на ещё растущем прыщавом лице ребёнок-кассир. – Нашу новинку не желаете?

– Не желаю. Один кофе. – Пабло небрежно опустил мелочь в детскую руку.

Сев у окна, он с деловым видом уткнулся в смартфон. Народу почти не было.

– Молодой человек, здесь свободно? – Пашка оторвался от экрана. Возле стола стоял мужчина в кожаном пальто.

– Свободно, – удивлённо оглядел пустой зал Пабло.

– Прохладно сегодня, не правда ли, Павел? – устроился человек за столом и распахнул пальто. Под ним оказалась военная форма с воротником-стойкой.

– Откуда Вы меня знаете? – насторожился Пабло, всегда тщательно следивший за своими знакомствами и не доверявший чужакам.

– Мы знакомы давно, – невозмутимо ответил незнакомец. – Относительно, конечно.

Пабло напрягся. На него глядели, как показалось Пашке, очень знакомые выразительные голубые глаза. На бомжа незнакомец не походил.

– Тебе чего, дядя? – постарался, как следует нахамить Пабло. – Я не подаю.

– Пей, пей, Пабло, – откинул назад голову человек, поправил рукой копну тёмных волос. – Скоро тревога, и будут нужны силы, много сил.

– Ты чё голубой, дядя? Отвали от меня! – вскочил из-за стола Пашка.

– Кока-Кола – смешно звучит, правда? – улыбнулся человек и протянул Пашке какой-то рекламный проспект. – Заходите к нам, Пабло, мы будем ждать...

– Я могу забрать? – зазвучал где-то детский голос.

Пашка резко дёрнулся и огляделся. Незнакомца не было, а в глазах стоял туман.

– Я спал что ли? Девушка, девушка! – окликнул он уже направившуюся с подносом дальше сотрудницу кафе. – А где этот? Который в пальто со мной сидел. Он ушёл что ли?

– Кто в пальто? – испуганно огляделась девушка. – Вы же один тут сидели.

Пабло почувствовал, как на его лоб словно вылилась ледяная кока-кола.

– Кока-Кола, – прошептал Пашка и посмотрел на рекламный проспект, отданный ему знакомцем, на котором почему-то была изображён старый советский противогаз. – Точно, я помню. А причём тут...

Шура, как ни силилась в субботу поваляться подольше, опять проснулась рано и села в кровати. Приподнятое сонное настроение быстро улетучилось – на экране телефона висела эсэмэска от Пашки: «Ба, ну чё по моему вопросу?»

– Вот же, мать твою! – бросила телефон Шура.

Заваривая на кухне чай, она перебирала в голове все возможные варианты, чтобы отговорить внука от этой плохой затеи.

– Напугать его что ли? А чем их теперь напугаешь-то? – не переставала думать женщина. – Всё на своей шкуре хотят проверить...

Да, Пабло ничего не боялся, даже увидев мёртвого Свифа. Он просто решил, что это судьба, и от неё ни Свифу, ни вообще никому не уйти. На похороны пришло много народу. Когда они с пацанами подошли проститься, мать Лёхи посмотрела на них такими глазами, что только теперь на мгновение им стало страшно.

– Это вы его убили, сволочи! – громко сказала она. – Теперь идите и сбросьтесь оттуда сами!

– Ира, Ира, ты что! – схватили её за плечи, стоявшие рядом люди. – Нельзя так, Господь услышит.

– Ах Господь! – завывала она. – Пусть слышит! Слышишь меня, да?! Ты сыночка моего почему не поймал? Не успел,

говоришь? Да потому что нет тебя! Не-е-е-т!

– Это судьба, – зачем-то сказал всем Паша.

К нему подошел отец Лёхи. Он был без лица и глядел куда-то мимо всех.

– Попрощались, теперь уходите отсюда, – коротко сказал отец. – Уходите!

Пашка, посмотрев ещё разок на накрытого в гробу с головой друга, развернулся и кивнул остальным: «Пошли»...

О судьбе Паша ещё раз сказал всем в пятницу на сходке руферов, которая была посвящена их разбившемуся товарищу.

– Парни, Свиф был классным пацаном, – старался подобрать нужные слова Паша. – Он, как бы, с нами сейчас. Ну, как бы, он уехал надолго, его забанили в играх, но мы знаем, что он есть. Теперь мы должны, мы обязаны круто заруфить в память о нём.

– А что будем руфить, Пабло? – поинтересовался один из парней.

– Кран, – сцедил через щербинку в зубах слюну Пашка. – На новостройке залаз сделаем.

– Ни фиги себе!

– Не дрожи, Байт. Всё будет чётко! – осадил занывшего товарища Пабло.

Байт больше не возражал. Да никто – ни невысокий Лихой, ни Типа с бритым черепом, не возражали – Пабло у них за главного. Так получилось само собой – они его не выбирали. Просто из всей их рюферской компании Пабло был самым отчаянным. Самые опасные залазы делал именно он, поднимаясь на крыши по дрожащим ступеням пожарных лестниц, балансируя на узких рёбрах бетонных плит, стоя со смартфоном на самом краю манящей вниз пропасти. Будто страх перед высотой был вырезан у Пабло вместе с ненужным аппендицитом ещё в раннем детстве.

– А как попадём?

– Бабуля моя там горбатится, скоро на пенсион.

– А она согласится провести?

– Я её уломаю, отвечаю...

Вечер обещал Шуре быть нескучным, и весь день домашние дела валились у неё из рук. В голове и так рисовались самые жуткие картины, когда, бродя по поселившемуся вместе с ней на старости лет в доме интернету, она наткнулась на сообщение о гибели мальчишки в их городе, сорвавшегося с крыши, и ей тут же кольнуло в самое сердце.

– Как Шотик мой, господи! Нет, пусть себе дуется, – набрала номер внука Шура. – Алло, Пашенька! Не выйдет ничего, внучек ты мой. Там охрана и всё такое...

– Ба, ты меня подставить хочешь?! – задребезжал в мобильнике голос внука. – Ты же сказала! Я пацанам уже обе-

щал, прикинь да! Ваще, чё я делать буду, чё пацанам теперь скажу! Ба, ты меня убила!

– Чего я сказала? А парень тот, который грохнулся? Ты мне не говорил ничего. Ты его знал?

– Знал. Это друг мой, – спокойно ответил Паша. – Ладно, я тебе расскажу. Мы с ним договорились, если что случится с ним или со мной, то второй, в память о друге, сделает залаз. Понимаешь?

Пашка придумывал на ходу и поэтому врал нескладно, но Шура, сглотнув подкативший к горлу комок, верившая внуку безоглядно, уже дрожала от страха.

– Как случится? Что случится?!

– Да ничего не случится, ба, – поняв, что перегнул палку, всё так же тягуче протянул Пашка. – Я прошу тебя, очень прошу.

– С соседних домов заметят и полицию вызовут? – всё ещё робко возражала Шура.

– А давай вечером, чтоб уже темно?

– Ты что?! Совсем уже?

– Ба, ну очень надо. Мы страховаться будем, и ты рядом.

– Ой, не знаю, – обречённо вздохнула бабуля. – Ладно, но только один раз. Ты меня понял? Один!

– Ба, я тебя обожаю! – снизошёл до признания в любви Паша. – Мы с пацанами будем. Давай в субботу вечером, ладды?

– Ещё и с пацанами?! Мать вашу... – выругалась на ребёнка бабуля. – Ох, чую, наживём мы проблем на одно место.

– Не бойсь, всё ровно будет, – успокоил внук. – Мы ж не больные...

– По мишеням огонь! – раздалась отрывистая команда, выдвленная хриплым, почти старческим, голосом.

Гулкое эхо начало метаться по школьному тире, словно прячась от выстрелов. Выстрелы то грохотали один за другим, то сливались по два-три вместе. Пабло – знатный снайпер в компьютерных стрелялках – снова элементарно мазал из «мелкашки». В момент выстрела волнение начинало бить его по рукам мелкой дрожью, оба глаза почему-то закрывались, и очередная пуля уходила в «молоко». Лежавший рядом Байт тоже мазал, каждый раз поправляя слетавшие от отдачи с носа очки. Седой военрук Тимофеич невозмутимо сидел с выдавшим виды биноклем в руках и время от времени подносил его к глазам.

– Ну куда вы целитесь, куда? – досадливо вздыхал он. – А если война, вас же шлёпнут, и бздануть с перепугу не успеете?

– Твою мать! – каждый раз психовал Пашка, проклиная свою беспомощность перед этим, почти выжившим из ума,

отставным майором.

Пабло не выносил насмешливого отношения к себе, тем более со стороны какого-то военрука. На стрельбах он ловил себя на мысли, что хочет развернуть ствол винтовки и выстрелить военруку прямо в ненавистную голову. Он так ясно представлял эту картину, что, когда ярость проходила, Пабло становилось не по себе. Он боролся с этим желанием, но каждый раз оно возникало снова.

На уроках БЖД всегда стоял такой шум, словно учителя не было в кабинете вовсе. Воспринимая всё это не то с недюжинной мудростью, не то с обречённостью, Тимофеич каким-то чудесным образом оставался работать в школе, с трудом конкурируя с молодыми преподами, самозабвенно рассказывая о гражданской обороне и ядерном ударе, за что и удостоился клички Ядрёный.

– Зона поражения зависит от мощности ядерной бомбы, – не обращая внимания на бесчинствующих учеников, вещал Ядрёный. – Первую бомбу американцы сбросили в 1945 году на японский город Хиросиму...

Тимофеича держали, очевидно, за былые заслуги, хотя время его давно вышло. Пабло с товарищами открыто измывался над Ядрёным, как мог, но тот, казалось, обладал пуленепробиваемой выдержкой.

– На кой мне эти ваши бомбы, Сергей Тимофеевич? – про-

воцировал Пашка Ядрёного. – В двадцать первом веке всё будут решать компьютерные технологии. Вы знаете, что такое компьютер?

– Я слышал, Павел, слышал, – загадочно улыбался Тимофеич.

– Слышали? Но не видели, да? – под гогот одноклассников явил Пабло.

– У Вас всё, Павел? – всегда подчёркнуто вежливо уточнял военрук.

Пацанские потасовки, случались на уроках регулярно. Помимо прочего, возникали они из-за желания парней обратиться на себя женское внимание. Всегда сидевшая на первой парте классная примадонна Ника, как обычно демонстрировала из-под недопустимо короткого школьного платья свои шикарные ноги. Собственно говоря, самого платья над закинутыми друг на дружку Никиными ногами почти не было видно, и запретный плод, грозивший вот-вот открыться похотливому мужскому взору, был стыдливо прикрыт прозрачным белым фартуком с рюшками. Школьные мужчины – педагоги и ученики – с трудом заставляли себя не смотреть на Нику, как на Медузу Горгону, но только не военрук Тимофеич.

– Вот смотришь на молодых девчонок, – однажды безо всякой конкретики, разглядывая ноги Ники, отчубучил Ядрёный. – На улице минус сорок, а она в тонких чулочках че-

шет. Тут в пору штаны ватные, понимаешь, надевать, а им рожать ведь ещё.

Намёк был настолько ясен, что класс прыснул от смеха, а гордая Ника даже успела обидеться, покраснев от гнева, на солдафона-военрука. Невозмутимый же Тимофеич вдруг озорно прикрыл один глаз, словно целясь из невидимого оружия в коленку Ники.

– Все, у кого по стрельбе «неуд» в субботу на пересдачу, – разрядил он обстановку, и тишину школьных коридоров разорвал звонок. – Жду в тире, бойцы...

Пашке приснился странный сон. В этом сне к нему пришёл дед Шота и, взяв за руку, повёл вверх по какой-то лестнице. Там, Пашка опять увидел чёрное небо с висевшей в нём большой и непонятной штуковиной и длинный белый луч, медленно ползущий над ними. Дед повернулся к внуку и сказал что-то бессмысленное.

– Событие ещё не произошло, но уже случилось... Вас там ждут, очень ждут...

Пашка хотел переспросить деда, о чём он говорит, но внезапно перед ним возник Ядрёный. Он почему-то был в кожаной лётной куртке, перетянутой ремнями, и держал в руках

тот самый предмет из предыдущих Пашкиных снов.

– Что это у Вас, Сергей Тимофеевич? – спросил его Пашка.

– А Вы разве не знаете, Павел? – ответил военрук вопросом на вопрос. – Зайдите, я Вам расскажу.

Через секунду Пабло открыл глаза, и сон закончился. Он прокрутил в голове сказанную дедом бессмыслицу.

– Чёрт, погода что ли сменится? – подумал Пабло. – Надо бабе сказать. Чтобы деда помянула – видно он просит.

Пашка перевернулся на другой бок, и неожиданно какой-то внутренний не то голос, не то ещё что-то, начал записывать в его мозг текст:

«...Берлинская операция, завершившаяся 2 мая 1945 года, поставила точку в самой кровопролитной войне, которую знало человечество, и ознаменовала собой полную победу Красной Армии над немецким вермахтом. А 7 мая в предместье Берлина Карлсхорсте был подписан Акт о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии...» Пабло замотал головой, пытаясь выбросить это наваждение, но оно не проходило. Паша, наконец, смирился и попытался вслушаться, пока незаметно для себя не провалился в сон...

В классе стояла гробовая тишина, так что было слышно противно жужжавшую на оконном стекле муху. Учитель истории, до сих пор слушавший вместе с классом доклад Пабло, обернулся к ученику и снял очки.

– Сегодня Вы всех нас очень порадовали, Павел, – удивлённо сказал историк. – Я всегда догадывался о Ваших способностях. Вы хорошо подготовились в этот раз.

– Да, – кивнул Пабло. – Я подготовился.

– Позвольте полюбопытствовать, юноша? – с интересом разглядывая ученика, спросил учитель. – Вы давно интересуетесь военной тематикой?

– Недавно, – немного помедлив, ответил Пашка. – Но меня это почему-то очень волнует.

– В своём докладе к олимпиаде Вы затронули тему воздушных бомбардировок «Люфттваффе», – преподаватель взял в руки работу Пабло. – Здесь есть совершенно неожиданные подробности. Скажите, Вы много читали об этом?

– Да, я собираюсь продолжить эту тему и дальше, – уверенно ответил Пашка.

– Ну что же, садитесь, Павел, «отлично»! – и учитель одновременно со звонком поставил отметку в журнал...

Пабло вышел из кабинета истории и нос к носу столкнулся с Никой.

– Привет, тебя в школе уже второй день нет, – стараясь не выдать свой интерес к девушке, развязно спросил Паш-

ка. – Как жизнь, красавица?

– Пойдёт, – примадонна была в явно неважном расположении духа с припухшими от бессонницы, но всё такими же красивыми глазами.

Ника быстро пошла по коридору. Пабло, проводив её взглядом, задумался и затем направился в другой конец коридора к кабинету БЖД.

– Да! Входите, входите! – услышав стук в дверь кабинета, крикнул военрук.

– Можно, Сергей Тимофеич? – вырос на пороге Пашка и приложил сомкнутые пальцы к виску, шутовски символизируя военное приветствие.

– Разрешите! Так звучит лучше, не правда ли? – повернул в его сторону голову Тимофеич. – К пустой голове...

– Да знаю я, и не пустая она – это шас без разницы, – войдя, прикрыл за собой дверь Пабло. – Я к Вам по делу.

– Присаживайтесь, коли так, Павел, – указал на стул военрук.

– Даже не знаю с чего начать?

– Ну тогда, как всегда в таких случаях – с самого главного, – улыбнулся Тимофеич.

– Расскажите мне подробнее про ядерную войну, – выдержав паузу, зачем-то попросил Пашка и сам удивился, что после странного сна на ум ему пришло именно это.

– То есть, как всё? – остановил взгляд на какой-то неви-

димой точке на потолке военрук.

– Вообще всё что знаете, Сергей Тимофеич, – поглядел в ту же точку, будто стараясь поймать там взгляд Тимофеича, Пабло. – Я хочу сделать доклад. Для участия в олимпиаде.

– В олимпиаде? – тяжело поднялся со своего стула военрук Ядрёный. – Олимпиада – это хорошо. Давно у Вас этот интерес к этому?

– Да Вы не волнуйтесь, я просто хочу знать, как это может произойти, – успокоил военрука Пабло. – Ну в теории, как это выглядит?

– Выглядит плохо, – туманно ответил Тимофеич. – Скажем так, очень плохо.

– Я понимаю, – кивнул Пашка. – Сергей Тимофеич, когда ядерную бомбу сбрасывают с бомбардировщика, ну как в Хиросиме, она взрывается и...?

– И всё, больше ничего, – Пабло показалось, что Ядрёный задумался.

– Просто интересно, если вдруг кто-то, какой-то безумец, решил уничтожить весь мир, – Пабло тоже принял задумчивую позу.

– Какие-то странные вещи Вы говорите, Павел, – взгляд военрука сменился и стал подозрительным. – Хорошо, я дам Вам кое-какую литературу по ядерному оружию.

– Я кое-что нашёл в интернете, но там мало, – посмотрел на него Пабло.

– Интернет – это хорошо, – почему-то улыбнулся Ядрё-

НЫЙ...

Большой старинный дом в центре города был всегда тёмно-серым. Даже в самую что ни на есть солнечную погоду, он мрачно вырастал перед глазами прохожих всей своей пятиэтажной серостью, ловя на стенах их нехорошие взгляды. Особо мнительные вообще старались обходить дом стороной, и тогда он будто следил за ними, выглядывая углами из-за других домов, задрвав покрытую треугольной крышей голову над старым городом.

Было около двух часов дня. Город уже отобедал в своих бесчисленных маленьких кафе, где, казалось, всем и всегда хватает места, и торопился жить дальше. Хаоса не было, а напротив, все подчинялось какому-то, организованному неведомо кем, строгому порядку. И порядок этот был установлен вовсе не властями, и даже если бы власти захотели изменить его, то у чиновников ничего не получилось бы. По делам летели большие и маленькие аэрострейды, спешили толстые и худые люди. Некоторые говорили на ходу по виртфонам, чуть замедлив темп, и не замечали, как их, на мгновение раздражаясь, обходят другие,двигающиеся в попутном потоке. Все спешило, сворачивало, переходило, заходило и выходило из дверей зданий. Посреди всего этого круговорота выделялся один высокий и уже немолодой человек со странной

старомодной причёской, одетый в почти вышедшее из моды короткое пальто. Он не спеша шёл по улице, как будто прогуливаясь. В руке у человека болтался небольшой кожаный портфельчик, словно взятый им на прогулку исключительно для солидности, но на самом деле лишь добавлявший несуразицы его виду. Он то и дело оборачивался, провожая оценивающим взглядом молодых девушек в коротких блестящих юбках и брюках, задирая голову, вчитывался в висящие в воздухе у зданий буквы рекламных слоганов, будто очутился в этом городе впервые в жизни или очень давно здесь не был. Человек прошёл ещё квартал и свернул к серому дому. Подняв глаза, он всё так же внимательно прочитал название организации, одобрительно кивнул головой и, открыв тяжёлую дверь, скрылся внутри.

В тёмном узком коридоре никого не было. Человек, всё также болтая портфелем, что-то напевая себе под нос, шёл, озираясь на таблички у дверей кабинетов. Наконец, он нашёл нужную табличку, показал самому себе на неё пальцем и постучался в дверь.

– С возвращением, что ли, Николай Николаевич? – человек с маленьким лицом, в затемнённых очках на таком же маленьком прямом носу пожал руку только что вошедшему в кабинет человеку со старомодной причёской. – Так что скажешь?

– Что скажу? Пока всё идёт по нашему плану, дорогой ты мой Сергей Александрович, – не оставив никаких намё-

ков на возможность оспорить сказанное, плотно уселся гость в кожаный диван и вытянул ноги. – Почти всё.

– У тебя идиотская привычка всегда что-то не договаривать, – напрягся человек в очках. – Это ведь касается всех.

– Ты серьёзно? – взглянул исподлобья Николай Николаич. – Я откровенен со всеми вами так, как не откровенен с женой.

– Мы считали, пересчитывали, и всё равно мы об этом до конца ничего не знаем. И почему выбрали именно нас, а? – не ожидая ответа, спросил сам себя Сергей Александрович. – И кто выбрал? Может, бог и дьявол всё-таки на самом деле существуют? Как ты думаешь, Кока Кола? Кстати, с причёской и пальто ты переборщил.

– Ты считаешь? – человек, названный Кока Колой, покопался на висевшее в углу зеркало. – Да и чёрт с ним!

Гость поднялся, сунул руки в карманы и начал ходить взад-вперёд.

– Что мы получим на выходе неизвестно ни богу, ни дьяволу, – возразил он. – Но ведь должно же получиться, а? На этот раз у меня есть предчувствие, в которые, как ты знаешь, я не верю.

– А у меня ощущение такое, что мы решили похозяйничать в небесной канцелярии, – вяло улыбнулся Сергей Александрович. – Пока ангелы дремали, подменили документы и сказали, что всё так и было. Ладно, давай подытожим: мы

отыскали их, и это абсолютно точно они?

– Да, других случаев не было, – для убедительности Кока Кола отбросил рукой в воздухе невидимую грудку документов. – По крайней мере, такой вывод сделан из собранной нами самой совсекретной информации. Появились непонятно откуда и так же неожиданно исчезли.

– А вдруг в нашем русском бардаке, что-нибудь затерялось? Вдруг, в конце концов, они просто уничтожили все другие данные, и кроме этих четверых и «Особиста» был ещё кто-то когда-то?

– Может и был, – утвердительно закивал головой Николай Николаич. – Но, если ликвидировали информацию, то зачем было оставлять эту?

– Тоже логично, – согласно закивал Сергей Александрович.

Дверь открылась без стука, и в кабинет вошёл ещё один человек – лысый и грузный, среднего роста, в расстёгнутом пиджаке и чуть съехавшем на бок галстуке.

– Здравствуй, Николай Николаич, Пал Юрич скоро будет, – протянул он руку гостю и уселся в пустующий после него кожаный диван. – Слушай, я тут подумал: даже страшно представить, сколько мы уже знакомы, а?

– Я тебя всю жизнь знаю, Иван Владимирович, и даже раньше, – Кока Кола пригвоздил кулаками к столу разложенные на нём бумаги. – Ждём Юрича и начинаем.

– Не нравится мне некоторые идеи Юрича, Кока, – как-то невесело поглядел на него лысый Иван Владимирович и ещё больше ослабил галстук, отчего тот вообще покинул своё законное место.

– Ты чего паникуешь? – вопросительно поглядел на него Николай Николаич.

– Он постоянно хочет рискнуть. А вдруг ошибка? – тревожно спросил лысый. – Одна ошибка и – неизвестность. Что смотришь? Да, чёрт возьми, мы обязаны думать об этом! У меня вот жена, сын, дочь. Им потом расскажут, что их папа погиб героем, если вообще будут про это рассказывать. Если не вычеркнут, как тогда тех, не засекретят лет на сто! Ты уже привёл свои дела в порядок?

Дверь снова открылась, и на пороге появился человек, весь вид которого говорил, что он здесь главный.

– Всем привет, – не протягивая никому руки, сказал он.

Главный взглянул на очкарика Сергея Александровича, и тот быстро поднялся с дивана, уступив место.

– Здравствуй, Пал Юрич, – первым ответил Николай Николаич. – Только тебя и ждём.

В кабинете воцарилось молчание, в котором мысли присутствующих, словно собираясь в одну прозрачную невидимую колбу, смешивались между собой, но никакой реакции

не происходило. Будто кто-то должен был добавить в колбу каплю катализатора.

– Я молодым себе сегодня приснился, – как-то совершенно невпопад произнёс Пал Юрич. – Смешной такой, лохматый. Стою наверху, смотрю вниз и понимаю, что сейчас вот прыгну и не упаду, а полечу. Я всю жизнь мечтал полететь, пусть даже разбиться потом, но пролететь над городом, хоть раз. Вы же знаете, мне совсем не страшно. Хочу понять есть ли смысл во всём этом. Может быть, это наша общая фантазия, групповой бред, галлюцинация? А может галлюцинация – это мы здесь. Как думаете?

– Полетел? – поправил очки Сергей Александрович.

– А? Чего? – очнулся главный.

– Я спрашиваю, полетел тогда во сне?

– Не-а. Шагнул, и будильник, чёрт! – разочарованно протянул тот и взглянул на Николая Николаича. – Ты точно всё рассчитал, Кока?

– Всё, Юрич, – ответил тот. – Поверь, мир не шевельнётся ни одной долей секунды, пока мы не закончим там все дела.

– Уверен? – уставился на него Пал Юрич. Он встал и, подойдя к окну, открыл его. Окно выходило на крышу. – Странно, правда? Часы тик-так, тик-так... И вдруг, тик... – и всё.

– А вдруг, оно снова не заведётся? – как-то испуганно спросил Сергей Александрович.

Все переглянулись.

– Всё вернётся на круги своя, – стараясь как можно убедительнее произнести каждое слово, надавил на голос Кока Кола. – Теперь всё не наобум, теперь мы знаем обо всём этом больше. Много больше.

– Я очень на это надеюсь, – вставил слово Сергей Александрович.

– Человечество лишь догадывается, что его судьба вершится не наугад, – ещё уверенней произнёс Кока. – А мы это точно знаем, парни, и поэтому выбирать нам придётся не только за себя.

В кабинете опять стало тихо.

– Ладно, всё! – хлопнул в ладоши и потёр их не разжимая Пал Юрич. – Начали! Кока, ещё раз все расчёты на стол, ещё раз пройдем всё внимательно! А кстати, кто первым придумал мне эту дурацкую кличку «Кока Кола»? – вдруг спросил Николай Николаич.

– Будем считать, что это Ваш, оперативный псевдоним, товарищ, – очень серьёзным голосом произнёс главный, и все четверо расхохотались.

В старом немецком городке стемнело. Шум аэроустройств, вечерами бросающих длинные тени на высокие потолки

квартир старинных домов, давно стих. Узкие кривые улочки, пробежав по центру, исчезли во мраке, смыкая над собой крыши зданий. Городок ворочался, словно, отлежав на старых каменных мостовых один свой бок, с трудом переворачивался на другой, прячась от назойливых фонарей, сонно ворча на последних прохожих. Городские памятники, казалось, ждали ночи, чтобы с чьего-то неведомого дозволения сойти со своих мест и отправиться друг к другу в гости. Всё, обычное и явное днём, в этой полутьме становилось таинственным, настоящее приближалось к прошлому, и городок уже начинал путаться, в каком времени он живёт, снова ожидая у своих ворот не то крестоносцев в латах, не то танки с тевтонскими крестами на броне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.